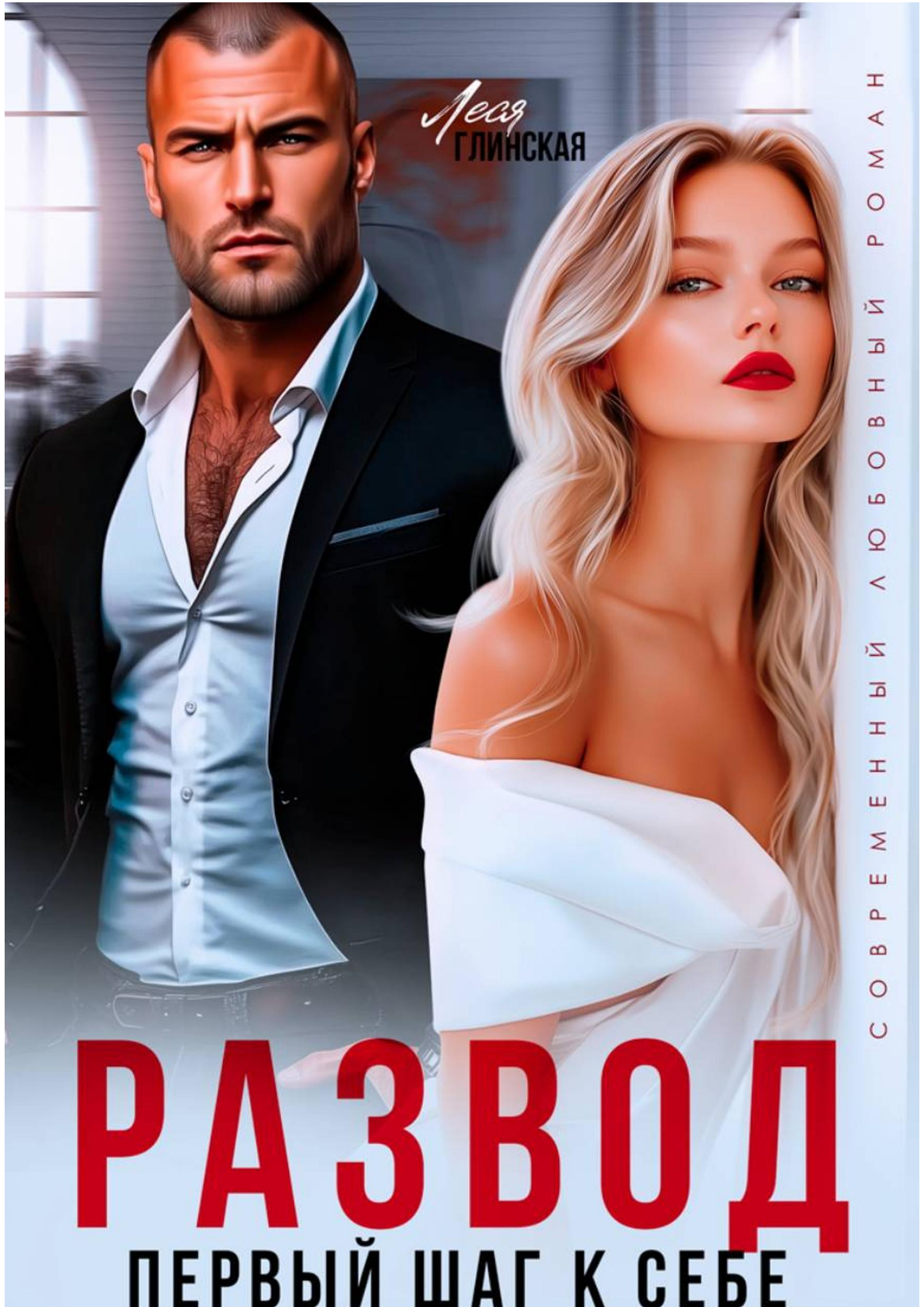

Леся
ГЛИНСКАЯ

С О В Р Е М Е Н Н Ы Й Л Ю Б О В Н Ы Й Р О М А Н

РАЗВОД

ПЕРВЫЙ ШАГ К СЕБЕ

Леся Глинская

Развод. Первый шаг к себе

«Автор»

2026

Глинская Л.

Развод. Первый шаг к себе / Л. Глинская — «Автор», 2026

Выхожу из душа
Обнаженная, открытая, беззащитная— Что? – слышу
взволнованный голос мужа. – Сколько? – он дергается, словно ищет одежду.
– Вызывай скорую! И вдруг я слышу по громкой связи:– Только не бросай
меня сейчас, – истерично кричит женский голос. – У него температура сорок!
Сорок! Я уже час не могу сбить! Это твой сын! Десять лет брака. Идеальная
семья, самый лучший муж, семейный бизнес Все рушится в один миг. Когда я
узнаю, что у мужа есть сын

© Глинская Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	14
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	26
Глава 10	29
Г	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Леся Глинская

Развод. Первый шаг к себе

Глава 1

Голос мужа хриплый, нежный... Его порывистое дыхание обжигает мою шею...

– Обожаю, когда ты так ярко кончаешь, девочка моя, – прижимается он губами к моему плечу.

А я дрожу... Таю в сладкой истоме...

Меня только что разметало по космосу, и я пытаюсь собраться обратно.

– Люблю, – шепчу одними губами.

– И я тебя, – смеется Виктор.

– Я быстро, – улыбаюсь, выскальзывая в душ.

Виктор немного кривится.

Не любит, когда я смываю его запах. Но... Ничего с этим не могу поделать! Направляю на свое тело струи горячей воды, быстро споласкиваюсь.

Боже, какой секс! Больше десяти лет уже вместе, а до сих пор, как в первый раз! Я – счастливица! Мне невероятно повезло с мужем!

Чуть промакиваю тело полотенцем, улыбаюсь своему отражению, выхожу...

Обнаженная, открытая, незащищенная...

– Что? – слышу взволнованный голос мужа. – Сколько? – он дергается, словно ищет одежду. – Вызывай скорую!

Скорую?! Я испуганно замираю. Что произошло? У кого?

Но я не успеваю спросить, как муж повышает голос:

– Не кричи на меня! Я попробую! Сейчас! Подожди, звонят по второй линии!

Он отнимает телефон от виска, касается монитора...

И вдруг я слышу по громкой связи:

– Только не бросай меня сейчас, – истерично кричит женский голос. – У него температура сорок! Сорок! Я уже час не могу сбить! Это твой сын!

Что? У него сын?

Это словно выбивает воздух из моей груди! Сердце стискивает невидимая ледяная рука, я дергаюсь, пытаюсь вздохнуть...

Телефон дрожит в руках мужа:

– Да черт, я сказал, что попробую приехать, – рычит он, резко разворачивается и...

Видит меня...

– Твою ж!.. – стискивает он челюсти.

– Витя, это... – только и могу выдавить из себя я.

Муж на мгновение замирает. Кажется, он даже теряется, но... Ровно через секунду он тут же натягивает привычную маску уверенности.

– Ладно, раз ты все равно все слышала, я поехал! – в голосе звучит раздражение.

Словно я виновата в том, что узнала его тайну.

– Куда поехал? – вскрикиваю я.

– В смысле “куда”? – смотрит он на меня чуть высокомерно. – У ребенка температура сорок! Ты понимаешь, что это такое?! – Виктор кривит свой красивый рот. – Ты же женщина! Должна понимать, что я просто обязан быть там!

Он натягивает брюки, свитер, почти выбегает в коридор...

– Виктор! – шагаю я следом. – У тебя есть ребенок? – мне кажется, что мой мир рушится.

– Да! Да! – кивает он. – У меня есть ребенок, и ему сейчас плохо! Все! Потом это обсудим!
Я побежал!

Хлопает дверь.

Я остаюсь.

Онемевшая. Растоптанная. Униженная. Одна.

.

Глава 2

Я стою посреди ставшей вдруг пустой и чужой квартиры.

Мир словно треснул и рассыпался. Знакомые прежде стены давят, улыбающиеся фотографии смотрят с издевкой, смятые простыни словно смеются...

Как?

Что произошло?

Это не может быть то, что я думаю!

Это...

Какая-то ошибка!

Мы счастливы, мы...

Ребенок...

Ребенок, у которого температура сорок...

Если бы это была какая-то тайна, которая у него появилась до встречи со мной... Нет...

В этом году у нас десять лет брака.

Во рту пересыхает, словно я наглоталась песка, сердце рвется из груди короткими болезненными толчками, ноги отказываются держать, и я медленно сползаю по стене, пока холод пола не приводит меня в чувство....

Тело бьет мелкая дрожь, ладони становятся влажными, сердце колотится, словно пытаюсь вырваться наружу. Каждый его удар эхом отдается в моей голове: у него есть ребенок! Ребенок... Вторая семья?

.

Утро застает меня на кухне.

Я не могу заставить себя лечь в ту постель, где... Где мы...

Боже...

Нет.

Самой стыдно признаться, но внутри меня еще теплится крошечная, жалкая надежда, что я неправильно поняла, что это чудовищная ошибка, что мой Виктор не способен на такое... Это же Виктор! Мой Виктор!

Он... Он говорил, что для детей не время... Когда у меня вдруг случилась задержка, заставил меня сделать укол...

Это было...

Это было, когда мы только начинали наш бизнес. Да, именно мы. Я все время была рядом. Я финансист. Проверяла бухгалтерию, составляла отчетность, занималась выплатами...

А потом, когда все пошло по накатанной, он настоял, чтобы я стала для него идеальной женой.

И я стала! Красивый дом, идеальная внешность. Спортзал, косметологи, стилисты...

Я принимала его партнеров у нас, сопровождала его на ужинах, вела светские беседы и терпела губастых кур...

Но...

Но... У него другая семья на стороне... Не идеальная...

Я еще раз приняла душ. В этот раз стояла под ним минут сорок, сдирая с себя жесткой мочалкой кожу и предательство. Но ощущение, что я грязная, никуда не исчезало. Эта мерзость словно впиталась в меня, заползла внутрь...

Потом я оделась, заплела волосы и... села за стол.

Как школьница на уроке. Спина прямо, руки перед собой.

Я словно замерзла изнутри. Чувства отключились, эмоции превратились в вязкую жижу, сквозь которую не пробиться ни слезам, ни ярости. Только пустота. И холод. Нестерпимый, пронизывающий холод.

Кофеварка запищала, сообщая, что напиток готов, но я даже не дернулась.

Так и сидела, глядя в сереющее окно.

Виктор пришел около восьми.

– Марина? – окликает он меня из коридора.

Окидывает критическим взглядом, морщится...

– Марин, сварь, пожалуйста, кофе, я на работу опаздываю, – он скрывается в комнате, снимая с себя свитер.

– Витя, где ты был? – тихо спрашиваю я.

Наверное, слишком тихо.

Но он услышал.

– Марин, – поджимает губы капризно, – я всю ночь не спал, у меня сегодня три встречи, и надо съездить на производство, можно мне хотя бы кофе, а потом допрос? – муж смотрит на меня укоризненно, словно это я в чем-то виновата, а не он.

– Где ты был? – тем же тоном повторяю я.

– Да что ты заладила! – он в сердцах вскидывает руки. – Где был, да где был! Ты же слышала? Ну? Ты все слышала? – смотрит он на меня с упреком.

– У тебя... – я делаю паузу, потому что в горле снова песок, и слова застревают в нем, вязнут. – ...другая семья?

– Нет, Марин, – он с тяжелым вздохом садится напротив, – моя семья – это ты и только ты, – смотрит мне прямо в глаза.

– Тогда?... – я чуть приподнимаю бровь, склоняю голову.

– Марин, ну правда, – снова кривится Виктор, – можно я быстро что-нибудь перекушу, и мне пора! А вечером...

Его слова, словно пощечина, заставляют меня содрогнуться. Голос вибрирует, но я собираю последние силы, чтобы произнести вслух то, что еще недавно казалось невыносимым:

– Вечером ты будешь разговаривать с моим адвокатом! – резко выпаливаю я. – Сейчас у тебя последний шанс хоть что-то мне объяснить!

– Ах вот как ты заговорила? – Виктор встает, упирает ладони в стол, нависает надо мной угрожающе. – Про адвокатов вспомнила?

– Витя, у тебя ребенок на стороне, – шепотом выдавливаю из себя я.

– Ну и что? – орет он, хлопнув по столу. – Ну ребенок! Хороший, между прочим, ребенок! Замечательный мальчишка! Я не хотел его, – крутит головой Виктор. – Я не хотел, но он есть!

Орет мой муж, и каждое из этих слов острым осколком впивается мне в грудь.

– А его мать? – хриплю.

– Его мать расчетливая сука! – фыркает Витя. – Это была мимолетная связь, но эта дрянь все просчитала и залетела! – кривится он. – У меня с ней давно ничего нет! Я содержу сына, иногда навещаю его. Все!

– Содержишь, – пытаюсь осознать это слово. – На наши деньги, – усмехаюсь. – Да? У нас же общий бизнес! – впервые за время разговора смотрю мужу прямо в глаза. – Я вкладывала в фирму ровно столько, сколько и ты, забыл?

– Что? – почти с презрением сипит Витя. – Общее? Что? А ты хоть раз на производстве появилась? Ты хоть одну встречу провела? Ты хоть один контракт подписала? Я впахиваю там круглые сутки, а ты тут прохлаждаешься, и ты смеешь мне указывать...

– По документам у нас равные доли! – стою на своем, хотя это требует от меня невероятных усилий.

– Так! – он нервно дергается, встает из-за стола. – Давай, пока мы не наговорили друг другу такого, о чем потом пожалею, я все-таки поеду на работу! – он выходит из кухни. – Позавтракаю, так уж и быть, в офисе, – со всей язвительностью, на которую способен, цедит он.

А я не могу заставить себя встать.

Не могу видеть его.

Меня словно заморозили. Я даже пошевелиться не могу.

– До вечера! – слышу меньше чем через десять минут.

Хлопок двери звучит приговором. Тишина давит на меня с такой силой, что я едва дышу. Горячие слезы обжигают лицо, и в этот момент я окончательно понимаю – моей семьи больше нет.

Я всхлипываю, вздрагиваю и тянусь к телефону...

– Андрей Борисович, – звоню старому другу отца. – Здравствуйте! Кажется, мне нужен адвокат...

.

Глава 3

Кабинет адвоката именно такой, каким я и ожидала его увидеть – стильный, чуть прохладный и какой-то стерильно-бездушный.

Гладкие, полированные поверхности, массивный дубовый стол, идеально выстроенные ряды книг в тяжелых переплетах. На стенах дипломы в строгих рамках, отражающие мягкий свет настенных бра. В воздухе витает тонкий аромат кожи и чего-то изысканного, но сдержанного.

Андрей Борисович сидит напротив меня, сцепив длинные пальцы в замок. Седина идеально уложенных волос, безупречный костюм, острый, пронизательный взгляд... Интеллектуал, скептик, возможно, даже циник. Но надежный, как скала.

Ни разу не был женат.

Почему-то именно сейчас в моем сознании всплывает этот факт из его биографии.

– Марина, – он, чуть нахмутив брови, вглядывается в меня поверх очков, – вы понимаете, что эмоции сейчас ваш главный враг?

– Понимаю, – выдыхаю я, сцепив пальцы. – Просто... он уверен, что бизнес – это только его заслуга. Что я там никто.

Адвокат чуть улыбнулся. Легко, иронично.

– Мужчины, – тянет он с ленивой усмешкой, – все одинаковы. Им кажется, что если они работают, а жена нет, то жена ни на что не имеет права. На момент регистрации юрлица вы были в законном браке?

– Да, – киваю я.

– Вы подписывали какой-нибудь брачный контракт?

– Да что вы, – смеюсь, – нет, конечно! Мы были нищие альтруисты! Я бабулин дом продала, чтобы ему денег на старт дать! А потом сама вела всю отчетность, потому что на бухгалтера не было денег!

– Ну и о чем мы вообще говорим? – он поднимает глаза, иронично покачивая головой. – Марина, у вас есть право на половину всего. Абсолютно всего.

– Но Виктор... Он говорит, что я там даже не появлялась в последние годы.

Адвокат вздыхает, чуть разводит руками:

– Марина, право собственности – это не право посещения офиса, – улыбка становится чуть шире, а взгляд холоднее, – это юридический факт. Как бы Виктор ни любил свое “детище”, закон не предполагает сантиментов. Фирма – это актив. Вы – законная супруга. Половина актива принадлежит вам.

Я невольно выдыхаю, почувствовав, как тяжесть на груди слабеет.

– Это реально?

– Более чем, – спокойно кивает он. – Главное, никаких разговоров без меня, никаких соглашений без моего одобрения. Виктор, скорее всего, начнет манипулировать, давить на эмоции. И вот тут я вас очень прошу – поменьше сантиментов. В этом вопросе, поверьте моему опыту, молчание – лучший друг женщины.

– Я поняла, – постаралась улыбнуться, хотя на душе кошки скребли.

– Все будет в порядке, – он встает, уверенно поправляет манжеты. – Главное, доверяйте мне и не сомневайтесь в своих правах.

Моих правах.

Хорошо звучит.

Где-то внутри себя я иронично хмыкаю, но внешне держу лицо.

Все же вычка быть идеальной женой – полезная штука.

Прощаюсь с адвокатом и иду в миленькое кафе в центре. У меня там встреча. Я позвонила подруге. Нет, я вовсе не собираюсь делиться своими переживаниями. Еще в детстве мама приучила меня, что лучшая подружка – девичья подушка.

Но увидеть звонкую и вечно хохочущую Таньку хочется. Несмотря на все удары жизни она легкая, неунывающая. непотопляемая... Потрясающая.

Старше меня, сама вырастила дочь. Это, видимо, наследственное, потому что дочь сейчас сама растит сына. Тоже вне брака.

Но Татьяна считает, что мужики женщине не особенно и нужны. Наверное, именно поэтому я позвонила именно ей.

– Привет! – садится она за столик, запыхавшись.

– Привет! – улыбаюсь. – Куда бежишь?

– Не куда, а откуда! – закатывает глаза та. – У Лешеньки, внука моего, – Танька морщится. – Всю ночь температура. Катька замучила! Не справляется она! У мальчика сорок!

Танька продолжает что-то щебетать, активно жестикулируя, а я замираю, оглушенная...

Танька...

Ее Катька...

И Лешенька, у которого ночью температура была сорок...

Как там сказал Витя? Расчетливая дрянь?

Да, это определение ей хорошо подходит.

Только вот под мимолетную встречу не подходит. Потому что с Катей Витя знакомился через меня. Таня искала для дочери работу, и я попросила мужа...

О боже...

Леше два... Сколько же продолжалась эта связь?

– Звонит мне – мамочка, я не справляюсь! А что я ей на расстоянии сделаю? Говорю – вызывай скорую! – взволнованно рассказывает Татьяна, откинувшись на спинку дивана. – Ну а у тебя что? – замечает она, наконец, меня. – Как дела? Что-то ты тихая!

– А? – вскидываю брови. – О! Нет! За внука твоего переживаю! Дети болеют, – качаю головой, – это ужасно...

– Да! – хмыкает Танька. – Я иногда тебе завидую, что у тебя детей нет! – бестактно заявляет она и громко хохочет.

Я заставляю себя улыбнуться.

Только в ушах аж звенит от пустоты и боли...

Интересно, Танька знала?

Она продолжает щебетать, но ее взгляд вдруг становится слишком внимательным, цепким. Ловит каждое мое движение, словно проверяет, догадалась ли я. Сердце начинает колотиться слишком быстро, и пальцы под столом сжимаются до боли в суставах...

– Тань, – склоняюсь к ней, – у меня тут дела... – опускаю глаза заговорщически. – Личные. Я своему сказала, что с тобой буду до позднего вечера. Прикрой, если что, ладно? – хихикаю и...

Расплатившись, сбегая из кафе.

Припаркована я в полуквартале от входа... Даже до машины дойти не успеваю, как звонит телефон.

Витя...

Хмыкаю.

Вот и прикрыла.

Значит, знала...

Боже...

– Да? – беру трубку.

– Марин, ты где? Я тут освободился пораньше, подумал, может, пообедаем вместе?

– Я? – стараюсь держать голос. – Я только что вышла от адвокатов. Мы разводимся, Вить. И обедать с тобой я не хочу.

Отбиваю звонок, выключаю телефон, сажусь в свою машину и...

Впервые за эти сутки позволяю себе разрыдаться.

Громко, в голос, со слезами и всхлипываниями. Растираю по лицу косметику, кусаю губы...

Ложь... Все ложь... Муж, подруга, идеальная я... Все ложь, от которой безумно хочется сбежать!

.

Глава 4

– Значит, ты хочешь все разрушить! – Витя ходит по квартире, активно жестикулируя руками.

Приехал раньше шести.

Видимо, не такие уж и важные встречи, как он мне с утра рассказывал.

А я могу думать лишь о том, что последние года три он раньше девяти дома не появлялся... А тут в шесть свободен...

– А что тут рушить, Вить? Ведь нет же ничего, – кривлюсь в ухмылке.

Я сижу на диване посреди гостиной.

Такой уютной, такой стильной, такой любимой...

Ненавижу!

Все здесь ненавижу!

Уеду, как только смогу!

– Что значит “ничего”? – аж подпрыгивает мой муж. – Что значит “ничего”? – срывается он на крик. – Тебе не нравится как мы живем? У нас семья...

– Нет у нас никакой семьи! – вскакиваю я. – У тебя ребенку два года! И это не мимо-летняя интрижка! – ору я. – И не спрашивай, откуда я это узнала, – произношу уже тише. – Удивительно, как я раньше этого не понимала...

– Марина, я тебе сказал, с ней давно все кончено, – дергает подбородком он. – Катька, она...

– Катька... – смеюсь. – Сколько ей лет, Вить?

Он судорожно сжимает и разжимает кулаки, взгляд мечется по комнате, лицо искажается от злости и бессилия.

– Ладно, – вдруг крысится мой муж. – Хочешь уйти – вали! Но я не позволю тебе разрушить все, что я годами строил! – рычит он.

– Половина активов моя, – произношу я заученную еще у адвоката фразу.

– Твоя? – он придвигается ко мне вплотную. – Твоя? Да ты хоть название дочерних компаний знаешь? Ты же ничего не делала! Ты же...

– Это не имеет значения, – смотрю ему в глаза, а сама аж дрожу от негодования. – Половина активов моя.

– Хорошо! – вдруг соглашается Витя.

Отступает, нервно дергая головой.

– Хорошо! – повторяет, словно сам для себя, крутится на месте. – Но помни, – вдруг угрожает он мне, – это ты сама так решила! – он скалится, будто ему больно. – Это твой выбор!

И шагает в коридор.

– Меня сегодня не жди! – выкрикивает зачем-то. – Переночую там, где меня ждут!

Дверь резко хлопает, а я дергаюсь, будто от удара... Удара исподтишка...

.

Глава 5

Ночь тянется, как вязкий холодный кисель. Обволакивая, мерзко прилипая, заполняя собой все снаружи и внутри...

Кажется, ей не будет конца и края. Кажется, она никогда не закончится.

Сначала я пытаюсь спать.

Чищу зубы, переодеваюсь в пижаму. Долго стою и смотрю на кровать.

Нет.

Не могу.

Беру свою подушку и иду на диван.

В зале шторы неплотные. Сквозь них видны огни фонарей, вспышки фар, наверное, витрин...

Смотрю на это до рези в глазах. Слез нет. Сна тоже.

Не выдерживаю, встаю, включаю по всей квартире свет, пытаюсь разогнать эту тьму, поселившуюся внутри меня.

Иду на кухню, включаю чайник.

Пить чай сейчас глупо, но мне нужны эти рутинные ритуалы. Что-то, что хотя бы подсознанием воспринимается, как “нормально”. Что-то, чтобы мой разум подумал, что не все у нас рухнуло...

Чай завариваю травяной. Липа с чабрецом. Нежный, едва ощутимый аромат с медовым привкусом. Почему-то вспоминается лето, деревня, бабушка...

Боже... Как же в детстве все было просто! И как же все сложно сейчас! Вот бы сейчас в тот домишко, пахнувший перьевой периной и вареной картошкой...

Вот бы сейчас туда, где тебя любят...

А я же тоже любила! И верила, что любима! И так же ж больно от этого предательства! До тошноты, до разрывающего грудь крика, до ободранной кожи вокруг ногтей...

Каждая мысль о нем превращается в боль, острую, резкую, словно раскаленная игла под ребра. Я стискиваю зубы до боли, обнимаю себя руками, но это не помогает...

Обхватываю крепко чашку с чаем, всхлипываю... Долго сижу и просто смотрю на желтоватую жидкость.

Потом мне в голову приходит мысль, что надо отвлечься.

Я включаю ноутбук, собираюсь посмотреть какой-нибудь сериал, но, непонятно почему, начинаю читать ленту, скатываюсь в дурацкие бытовые истории, и вот... Сама не замечаю, как читаю уже пятый по счету рассказ о том, как “он меня бросил!”

Читаю, но мне кажется, что все это про меня... Мой же меня не бросал. У нас наоборот. Я бросила. А он еще и разводиться не хочет.

И вдруг фраза о том, что “он годами лгал” проникает в меня, словно лезвие. Воздух застревает в груди, и я уже не могу контролировать себя. Все, что я пыталась удержать внутри, вырывается наружу.

Внутри все-таки что-то ломается, трескается, и... текут слезы.

Он мне изменил.

Он изменял мне не раз и не два. Годами. Годами он ложился в постель с другой женщиной, а потом приходил ко мне. Наверное, сравнивал. Наверное, считал меня уже старой...

Боже... Зачем? Почему так подло? Как? Как теперь с этим жить?

Рыдания разрывают грудь, никакой чай уже не нужен, и ноутбук вместе со статьями о разводах, изменах и советах психологов сиротливо стоит на столе...

Не хочу.

Никаких советов не хочу.

Хочу тишины и покоя.

Я уеду сразу после развода. Неважно куда – лишь бы подальше от всего, что напоминает мне об измене. Туда, где тишина, покой и никого, кто мог бы причинить боль.

Утро застает меня на диване. Все же, наревевшись, я смогла уснуть.

Через силу заставляю себя встать, иду в душ...

О ужас!

Чашка чая, два часа рыданий и привет отекающее лицо!

Уф!

Ну нет! Я на такое не согласна!

Умываюсь прохладной водой, делаю себе массаж, прикладываю патчи...

Нет. Слезы слезами, а хоронить я себя чего-то рано начала.

Надо-ка вообще понять, на какой объем средств я могу рассчитывать.

В фирме мужа я уже ни кем не числюсь. Но! Я же совладелица! Я же могу потребовать отчет совета директоров! Вот этим и займусь!

Привожу себя в порядок, надеваю светлый деловой костюм, чуть подкрашиваю губы...

Не шик, конечно, но сойдет.

К офису приезжаю в восемь двадцать. Специально, чтобы не мелькать перед всеми сотрудниками. Хочу просто оформить запрос... Узнать, вообще, какая процедура отчетности...

Паркуюсь, выхожу из машины, подхожу к дверям...

– Марина Сергеевна? – натянуто улыбается мне охранник.

– Здравствуйте, – киваю.

– Марина Сергеевна, – он вдруг преграждает мне путь. – Извините, у меня инструкции не пускать вас.

– В смысле? Я же... – кривлюсь. – Я, вообще-то, совладелец.

– Простите, у меня инструкция от нанимателя конкретно вас не пропускать на территорию, – молодой парень опускает взгляд. – Пожалуйста, выясните с Виктором Михайловичем все вопросы, и тогда... – он поджимает губы.

А я все понимаю.

Первым делом по спине спускается мерзкий холодок. А потом... Потом меня накрывает истерический смех!

Забаррикадировался!

Охрану против меня выставил!

Он! Против меня!

Достаю телефон, звоню адвокату:

– Андрей Борисович, меня на территорию фирмы не пускают.

– Мариночка, я же просил, никаких телодвижений без меня, – вздыхает он. – Я уже подал заявление о принятии обеспечительных мер, запросил у суда блокировку и запрет любых сделок. Но Виктор может успеть провести какие-то операции до вступления запрета в силу, – тут в голосе адвоката появляется упрек. – Вам бы стоило быть чуть похитрее.

– Да? Стоило с ним спать и делать вид, что я ничего не знаю? – спрашиваю с вызовом.

Тут же меня накрывают воспоминания той ночи.

Его ласки.

Его пошлости, которые он шептал мне...

И становится тошно, мерзко, противно от самой себя...

– Зачем так радикально, – адвокат, он и в Африке адвокат. – Просто не стоило ему заявлять о разводе до того, как я оформлю иск... Ну, – он вздыхает, – теперь уже будем действовать

по факту... А! – словно что-то вспоминает Андрей Борисович. – Ваши счета... Проверьте... На всякий случай, – мягко заканчивает он.

– Да, конечно, – улыбаюсь.

Мне действительно смешно.

Заканчиваю разговор. Открываю банковское приложение на телефоне.

О-па! Заблокировано!

А этот не заблокирован, но на нем ноль.

А этот... Вообще войти не могу...

Стою, смотрю на дисплей телефона и не верю сама себе... Я же верила.. Я искренне верила, что он моя защита, моя семья...

А он...

Меня словно чем-то тяжелым по голове ударили. Реальность преломляется и открывается с новой стороны.

Боже, как же низко он пал! Оставить меня без денег, заблокировать счета!

Внутри рождается истерический смех, который я с трудом сдерживаю. Неужели он настолько плохо меня знает, что думает так со мной справиться?

Вот она, пресловутая мужская сила!

Выдыхаю шумно, делаю шаг, закидываю лицо к небу и вдруг:

– Ну что, – раздается нагловатый голос у меня за спиной, и меня мгновенно прошибает холодный пот.

Все тело напрягается, словно готовясь к атаке.

– Одумалась?

Я оборачиваюсь. Виктор смотрит ехидно, кривя губы в высокомерной усмешке.

– Сама приехала?

.

Глава 6

– Здравствуй, – я улыбаюсь, гордо расправляю плечи. – А что, ты у нас такой бедный, да?
– В смысле? – напрягается он.
– Ну что жене надо карточки блокировать, – усмехаюсь. – Никак не справишься без этих денег?

У него дергаются крылья носа, звереет взгляд.

– Это мои деньги! – рычит муж.

– О нет, дорогой, – подходу к нему, покачивая бедрами. – Это НАШИ деньги! – опираюсь рукой о капот его машины. – Это НАША машина, – киваю на здание офиса. – Это НАША фирма... И если тебе нужно, чтобы я заходила в здание с судебными приставами, то окей. Так уж и быть. Хотя, – морщусь, – конечно, это хлопотно, – разворачиваюсь, направляюсь к своей машине.

– Марина, подожди! – окликает меня Виктор.

Вздрагиваю, но не останавливаюсь.

– Марина! – он догоняет меня, преграждает дорогу.

В его глазах вдруг появляется что-то отчаянное, почти искреннее.

– Я не хотел этого, понимаешь? Я не думал, что все так затянется... Она сама запрыгнула ко мне в койку, а потом начала давить... манипулировать ребенком! Черт, Марина, не будь ты такой категоричной!

– Манипулировать ребенком?! – произношу резко и чувствую, как внутри все сжимается от гнева и обиды, в глазах темнеет от ярости. – А ты помнишь, Вить, я тоже была беременна!

– Марин, ну не надо сейчас, – кривится он.

– Ты помнишь, что ты заставил меня сделать? – наступаю на него.

– Вот прям заставил! – передразнивает он.

– Только за того, нерожденного ребенка, – шиплю я, – только за него я отсужу у тебя все, что смогу!

– Ну попробуй, – кривится он.

– Уже пробую, – смотрю ему в глаза. – А если ты считаешь, что можешь удержать меня заблокированным счетом, – усмехаюсь, – значит, ты за десять лет так меня и не узнал...

– Марина, – он пытается схватить меня за руку.

Но я отпрыгиваю как ошпаренная.

Не могу.

Противно.

Не хочу.

– Не смей! – шиплю. – Ты больше никогда ко мне не прикоснешься!

– Так, значит, да? – скалится он. – Еще вчера ночью касался, и тебе нравилось!

– Вчера ночью, – смотрю на него убийственным взглядом, – это была другая я. Ту женщину ты убил... Своей ложью... Предательством...

– Убил... – как-то странно повторяет за мной муж.

– Убил, – эхом отзывается я.

И не выдерживая его присутствия, бросаюсь к машине.

Пиликаю сигнализацией, завожу мотор, выезжаю, едва не задев соседний внедорожник. Сердце колотится как бешеное, в горле стоит ком, глаза щиплет от подступающих слез.

Да не нужны мне его деньги! Черт с ними, пусть подавится!

Хочу лишь одного: сделать ему так же больно, как он сделал мне...

А значит, война! И я готова к ней, как никогда прежде. Если деньги – это единственное, что для него важно, я отберу у него именно их.

– Суд принял ходатайство о применении обеспечительных мер, – отчитывается по телефону адвокат. – С этой минуты Виктор не может распоряжаться имуществом до его раздела.

– Отлично, – киваю, хоть Андрей Борисович меня и не видит. – Это хорошо.

– Да! Это хорошо! – в его голосе явный оптимизм.

А потом неловкая пауза и...

– Как вы? – спрашивает он очень осторожно.

– Я в норме, – отвечаю излишне бодро. – Поверьте, все отлично!

– Значит, встретимся на суде? – с ложным оптимизмом уточняет Андрей Борисович.

– Встретимся на суде... – отвечаю я глухо.

Далее следуют формальные заверения в том, что я могу на него рассчитывать, обычные в таких случаях прощания...

Кладу трубку, смотрю в окно...

Ни на кого я не могу рассчитывать.

Ни на кого, кроме себя.

На улице шумят дети, сидят на лавочках старушки, не могут разойтись две женщины с писклявыми собаками...

Это не Москва.

Это какой-то крохотный, забытый всеми городок, утонувший в пробках и зелени.

Первым советом адвоката было сменить замки на квартире.

Но...

Я очень хорошо помню, как стояла посреди этой идеальной, роскошно обставленной гостиной и...

И аж морщилась от отвращения.

Нет.

В той квартире я замки менять не стала.

Собрала документы, свои каждодневные вещи, косметику, крема... Любимую чашку и деревянную вазу для фруктов.

Больше не тронула ничего.

Счета по-прежнему оставались заблокированы, но у меня были кое-какие сбережения, к которым Витя не имел доступа. С высоты моей прежней жизни – незначительные копейки. А в моем нынешнем положении – должно хватить на пару месяцев.

Я очень надеялась, что за это время удастся продвинуться в деле о разводе.

Свой новый адрес мужу я не оставила, но телефон не отключала.

Только вот он не звонил. И не писал.

Первый день я ждала. Даже первую неделю ждала. Готовила колкости, тренировала испепеляющие интонации...

А потом мне стало смешно!

Боже! Он там живет своей прежней жизнью! У него его фирма, его квартира, его любовница и его ребенок... А я?

Дура!

Наверное, еще неделю я приходила в себя...

Училась смотреть в окно и думать о погоде, о собаках и о том, что надо выйти за молоком, а не о том, что Витя делает сейчас.

А потом...

А потом адвокат сообщил дату судебного заседания, и я почувствовала, как внутри все сжалось от внезапного холода. Сердце словно остановилось, дыхание замерло. Все, что болело и рвалось на части, теперь покрылось коркой льда, твердой и непроницаемой... Единственным моим желанием на эту секунду было – покончить с этим всем как можно скорее...

Москва встречает духотой и пылью.

Я впервые жалею, что не взяла с собой ни одного из своих брендовых костюмов. Тех самых, идеально сидящих по фигуре. В них я чувствовала себя неуязвимой и великолепной. Сейчас они там, в прошлой жизни, в шкафу роскошной квартиры, и кажутся такими же нереальными, как и та Марина, что их носила.

Только вот сегодня хотелось выглядеть именно так: дерзко, шикарно, вызывающе, уверенно. Чтобы он понял, кого потерял. Чтобы всем на зло! Чтобы красиво в новую жизнь!

Но пришлось обойтись широкими брюками и простой рубашкой. Совсем не то, на что я рассчитывала. Не так ярко, не так эффектно. Просто... прилично.

Паркуюсь недалеко от здания суда, выхожу, оглядываюсь.

О боже...

Витя.

Витя уже подъехал и стоит на крыльце.

Только...

Он не один...

.

Глава 7

– Марина! – Татьяна бросается мне наперерез. – Марина, послушай!

– Отойди, – стискиваю зубы.

– Марин, да послушай ты меня! – Татьяна хватает меня за запястье.

– Не смей! – отдергиваю руку. – Я доверяла тебе! А ты? Что сделала ты? Дочку под моего мужа подложила?

Я говорю громко, совершенно не стесняясь ни случайных свидетелей, ни того, что Виктор стоит рядом. Люди вокруг начинают оглядываться, шепчутся, кто-то даже достает телефон, чтобы заснять сцену. Меня это злит, раздражает, я уже не могу остановиться! Душа требует справедливости и возмездия!

– Марина! – с осуждением и почти обидой в голосе восклицает Татьяна. – Как ты можешь?

– Как я могу что? – смотрю ей в глаза, делаю шаг вперед. – Говорить о тебе то, что я думаю?

– Я не верю, что ты так думаешь, – Татьяна даже выжимает из себя слезки.

– Ты ошибаешься, – произношу резко. – Я думаю, что ты расчетливая дрянь! Паразитка! Пиявка, присосавшаяся к другим, успешным людям! Сама создать ничего не можешь, так у других ворует! – перевожу взгляд на мужа. – Что, ты для него оказалась слишком стара, так решила дочь использовать?

– Так, все, хватит! – вскрикивает Виктор.

Он зол, в его глазах блистают молнии, но отчего-то он сдерживается. Не слышу ни одной резкости в свой адрес, и это немного сбивает с толку.

– Я не намерен с тобой ругаться, – смотрит он на меня, сцепив зубы. – Ты все, – выдавливают он, – неправильно поняла...

И тут я начинаю смеяться.

Наверное, это нервы.

Напряжение последних дней.

Но...

Смеюсь аж до слез...

– Марина, Марина... – меня подхватывает под руку подоспевший Андрей Борисович. – Марина, выпейте воды, – он буквально впихивает мне в руку бутылку. – Марина, – шипит он мне на ухо, резко и холодно, – возьмите себя в руки! Сейчас не время для истерик! Выставляете себя не в лучшем свете, – шепчет мне на ухо. – Постарайтесь быть сдержаннее...

Закрываю глаза, выдыхаю...

К щекам приливает жар стыда.

Боже! И это я? Я, которая хотела тут быть идеальной и великолепной? Чуть бывшей подруге в волосы не вцепилась, как баба базарная...

Хотя, – закусываю губу, – может, и надо было бы!

Отпиваю большой глоток из бутылки, купленной адвокатом.

– Я готова, пойдете.

Прохожу рядом с ним мимо Виктора. Тот мечет в меня молнии, но молчит. Почти физически чувствую его неприязнь к себе, и от этого становится больно.

Десять лет.

Я любила...

Больно...

Зал душный, пыльный и унылый.

Какие-то невнятные стены, куча шкафов, стол судьи, заваленный бумагами.

– Рассматривается дело, – увядающая усталая женщина берет верхнюю папку, – Станкевич Виктора Николаевича и Станкевич Марины Сергеевны.

Звучат общие формулировки о невозможности жить вместе, о прекращенном совместном быте...

– Я протестую, ваша честь! – вдруг вскакивает мой супруг.

Я ошарашенно смотрю на него...

– Протестую, – выпаливает он страстно. – Я считаю, что мы можем жить вместе! И жили бы! И...

Он зажмуривается, отворачивается в сторону, трет лицо.

– Ваша честь, дело в ребенке, – выдавливают он из себя с видом великомученика. – У меня есть ребенок не от жены, – судья хмыкает, поджимает губы. – Но этому ребенку уже два года! – вдруг выкрикивает Витя. – И два года мы прекрасно жили вместе! Мы могли! И дальше сможем! Я люблю ее! И она, – он чуть ли не сгибается пополам, оборачиваясь ко мне. – Марина, я не верю, что ты разлюбила! Ты... Я знаю! Я чувствую!

В его голосе самая настоящая истерика, на его лице непередаваемая мука...

– Стоп, стоп! – судья стучит молотком. – Не повышайте голос.

– Да, простите, ваша честь, – на лице Виктора смирение и боль.

– Если у вас есть ребенок от другой женщины... – начинает судья.

– Ваша честь, это была случайность, я был не в себе! Корпоратив, – он жмурится, отворачивается, словно хочет сам от себя отвернуться. – Но я же не могу бросить сына! – снова чуть ли не выкрикивает он. – Мальчик же не виноват, что я скотина, а его мать неопытная дурочка!

И тут происходит странное.

Судья откидывается на спинку стула и смотрит на моего мужа... одобрительно.

Я просто кожей чувствую, что она полностью на его стороне.

У меня перехватывает дыхание, потеют ладони...

– Ваша честь, – вскакиваю я.

Тут же чувствую на запястье ладонь адвоката, мысленно считаю до пяти...

– Ваша честь, он врет, – мой голос дрожит. – Он всем врет. Мне, той женщине, своему сыну, вам... Между прочим... – в моем голосе все же проскальзывает истерика. – Между прочим, рядом с ним его потенциальная теща! Которая изображала из себя мою подругу.

– Марина, да я же за тем и пришла! – вскакивает Татьяна. – Между ними ничего нет! Уж я-то знаю! Они не любовники! Между ними ничего нет! Ну послушай ты мужа! – чуть ли не умоляет она меня.

– Так... Тишина в зале... Тишина! – судья колотит молотком по столу.

Секретари на нас смотрят, распахнув глаза. Адвокат недовольно морщится...

Заседатели затихают, советуются...

– Мы выносим решение о предоставлении примирительного срока по ходатайству одной из сторон, – произносит судья, глядя на меня с упреком. – Следующее заседание назначаю через три месяца! Если к тому времени стороны пожелают отозвать иски...

Три месяца!

У меня все обрывается внутри, желудок скручивается в спираль, во рту появляется вкус желчи!

Три месяца!

У меня денег только на два!

Боже!

Опять он меня переиграл! Обставил по полной программе! Опять он в дамках!

Не дослушав судью, выбегаю, давясь слезами...

Три месяца...

– Марина! – слышу за спиной голос Андрея Борисовича. – Марина Сергеевна.

И тут же рядом суровой и властное:

– Марина! – и обращение к адвокату: – Мне нужно поговорить с женой. Оставьте нас!

.

Глава 8

Замираю.

Стараюсь выглядеть гордой, твердой, не сломленной.

А на самом деле просто боюсь пошевелиться.

Внутри все горит и болит.

И мерзкий червячок крутится и пищит: “А вдруг он не врет?”

– Ну что? – слышу сзади надменный голос. – Обернуться не соизволишь?

Нет.

Эти интонации лучше всех доказательств.

Холодные, презрительные.

Врет.

Все он врет.

Медленно оборачиваюсь. Выдыхаю. Спокойно смотрю на мужа.

Да. На все еще мужа.

В груди почему-то холод. Ровно в тот момент, когда я поняла, что сейчас я вижу его насквозь, исчезли все сомнения, все сожаления о прошлом, вся боль.

Он – предатель.

Мне надо от него уйти.

Все.

– А что ты от меня хочешь? – спрашиваю безразлично. – Что тебе еще от меня надо?

Виктор смотрит на меня, кажется, удивленно. Потом хмыкает, задирает взгляд к небу, играет желваками...

– А мы ведь и правда с Катькой не любовники... – говорит он, наверное, кому-то там наверху. – Но тебе ж уже все равно, да? – он наконец переводит на меня взгляд.

Полный убийственной ненависти.

– Ну, – киваю, – в общем, да.

– Мне нужно, чтобы ты осталась моей женой, – говорит деловым тоном он. – Хотя бы еще год.

– Вот как? – вскидываю брови.

– У меня идет большое слияние, – он скрипит зубами. – Если сейчас начать делить активы, то есть риск попросту потерять позиции и... – он ругается сквозь зубы, отворачивается. – А! Да что я тебе объясняю! – шумно дышит так, что аж дергаются крылья носа.

– То есть тебе нужны мои активы, – спрашиваю.

А мне на самом деле даже немножко смешно.

– Это мои активы! – рычит он, хищно наклоняясь вперед. – Это мой бизнес! Я его строил! Я все это... – опять натывается на мое равнодушие и взмахивает рукой. – А! Что тебе...

Выдыхает, делает пару шагов вправо, потом влево...

– Ты всегда была здравомыслящей и всегда все понимала, – вдруг произносит он.

А я ничего не могу с собой поделать! Мне смешно от этих слов!

– Марин, – муж смотрит на меня, как на насекомое. – Ты можешь приехать со своим адвокатом, разведем имущественные права, но без выделения доли и без раздела. Пожалуйста, – последнее слово он произносит таким сдавленным голосом, что сразу ясно, это “пожалуйста” далось ему с трудом.

А я стою, смотрю в лицо человека, которого безумно любила. Ради которого готова была в огонь, в воду, на край света...

Потому что же мой! Потому что же муж!

И...

Понимаю, что внутри ничего не шевелится. Лишь холодная решимость. И сейчас я должна поступить так, как выгодно мне и только мне.

А собственных денег у меня едва ли на месяц.

Сжимаю губы в плотную линию, отворачиваюсь.

– Марин! – окликает меня Витя своим рычащим басом.

Когда-то от этого голоса я вся покрывалась мурашками.

– Я согласна! – бросаю ему через плечо. – Но сначала проведу аудит и ревизию, – набираю воздуха в легкие. – Я сама!

Он на секунду застывает с растерянным выражением на лице, потом фыркает с презрением:

– Ты? Серьезно?

– Я, – киваю спокойно и уверенно. – И после уже подпишем бумаги с адвокатами...

Виктор хмыкает, но, кажется, доволен исходом разговора.

Криво улыбается, делает шаг назад и тут...

Я вижу, как напряженно стоит в стороне... Татьяна.

Вслушивается, ловит каждое движение моих рук, каждую мою эмоцию...

С чего бы это?

Они с Катькой не любовники?

Тогда с кем?

И от этих мыслей мне становится противно! Аж до тошноты!

– Завтра утром я приеду в офис, – смотрю мужу в глаза. – И уж будь добр, позаботься, чтобы меня пустили! – выпаливаю зло.

– Конечно! – отзывается он с ехидной усмешкой.

Но я уже на него не смотрю.

Убегаю.

.

Следующий день начинается рано.

Очень рано.

Ехать из пригорода долго и хлопотно. Пробки.

Поэтому электричка. И, конечно, никакой дорогой одежды или каблучков.

В своих брюках и кроссовках я, наверное, выгляжу не на миллион, но сейчас мне на это плевать.

Тот же самый охранник, который не пускал меня месяц назад, окидывает меня почему-то взволнованным взглядом и безропотно открывает передо мной дверь.

– Марина Сергеевна, – пытаются здороваться служащие, но я просто киваю им и иду дальше.

Да. Такую они меня еще не видели.

Наверное, это для меня шаг назад.

Джинсы, кроссовки, волосы в хвост...

Так я выглядела, когда была нищей.

Так я выглядела, когда была свободной!

И от этой мысли на душе становится тепло.

– Доброе утро! – захожу в кабинет к мужу. – Где мое рабочее место?

– Марина! – он почти подсакивает со своего кресла.

Окидывает меня странным, словно оценивающим взглядом, и... Готова поклясться, ему нравится то, что он видит!

– Ты можешь работать здесь, – произносит он бархатным голосом.

– Нет уж, спасибо, – хмыкаю иронично. – Я плохо переношу твое общество!

Вижу, как он стискивает зубы, как выступают на его скулах желваки, как появляется металл во взгляде.

Но мне все равно.

Плевать.

– Будь добр, – улыбаюсь ему, – предоставь мне компьютер с полным доступом ко всем базам и архивам. И, – качаю головой, – хорошо бы секретаря.

– Да, – неожиданно соглашается он. – Конечно, – нажимает кнопку селектора. – Кофе?

– Нет, – пытаюсь одарить его ледяной улыбкой, – лучше уже на моем рабочем месте...

– Раз ты так настаиваешь! – кривится он. – Елена, вызови Ирину Леонидовну из отдела кадров, – отдает распоряжение в селектор.

Пожилая дама в очень дорогих очках ведет меня по коридору, опасливо озираясь.

Она то ли не верит своим глазам, то ли ждет, что я брошусь на нее со спины.

А я спокойно иду.

Мне ничего никому не надо доказывать.

Уже все неважно.

– Мы подберем вам секретаря в кратчайшие сроки, – торопливо заверяет меня она. – А пока можете обращаться со всеми просьбами к девочкам на ресепшн.

Передо мной распахивают всеми забытую переговорную комнату.

Она пыльная, воздух затхлый.

– Сейчас я вызову клининг, – суетливо двигает стулья она. – Ну и в течение часа подойдет мальчик, настроит вам компьютер, – заискивающе улыбается Ирина Леонидовна.

– Спасибо, – киваю. – Можете быть свободны.

Почему-то после этой фразы она бледнеет, неестественно выпрямляется, словно я ее оскорбила, и, поспешно кивнув, сбегает.

А я подхватываю свою сумку и медленно иду к ресепшн...

Пусть...

Пусть настройт компьютер, пусть уберут.

– Девочки, – улыбнулась секретарям, – сделайте мне, пожалуйста, кофе...

– Конечно! – почти одновременно щебечут они.

А я, в ожидании своей утренней дозы кофеина, принимаюсь рассматривать их стойку.

Корреспонденция.

Счета, рекламные предложения, акты... Стоп! А что это такое?

.

Глава 9

Безобидная с виду бумажка!

Акт!

Приемка-передача оборудования в аренду!

И все бы ничего, только это же...

Да это почти весь цех нашего завода! Вся новая автоматизированная линия упаковки, на которую мы потратили несколько миллионов рублей! Я была на ее открытии! Я все видела своими глазами! И цифры в торжественной речи звучали совсем другие...

А что с остальным оборудованием? С другими линиями?

Подхватываю всю корреспонденцию и под ошарашенные взгляды секретарш начинаю вскрывать все конверты подряд.

Не то... не то... Стоп! Банковская выписка... Черт! Так я и думала!

Да аренда нашей московской квартиры стоит дороже, чем арендная плата за половину завода, который приносит сотни миллионов рублей прибыли!

Они искусственно снизили цену аренды, чтобы перевести прибыль на другую компанию! Это попросту вывод активов, элементарное воровство!

Вот почему он так отчаянно просил меня еще несколько месяцев оставаться женой! Чтобы успеть вывести все ценное, оставить меня ни с чем!

Так-так... Кто у нас там арендатор?

Забиваю название фирмы арендатора прямо в телефон и...

Чуть не падаю.

Ноги подкашиваются, дыхание перехватывает...

Татьяна! Танька!

Которой я верила, как себе!

Нет, я не рассказывала ей ничего интимного, но... Боже... Ну конечно! Ведь там же его сын!

Черт, черт, черт!

Меня накрывает ярость. Неосознанная, неконтролируемая!

Вот так, значит, можно? Одного человека просто выкинуть на помойку, а другого озолотить? Что он о себе возомнил? Он тут царь и бог, что ли?

Врываюсь в его кабинет, распахивая дверь.

– Документы! – хриплю. – Все по арендаторам! Немедленно!

Он вскакивает, бледнеет, с ужасом и отвращением смотрит на бумажку в моих руках.

– Где ты это взяла? – кривится он.

– Там, где ты не додумался спрятать!

И ведь правда. Скорее всего, в архивах я бы этого не нашла. Интересно, как он это провел по нашим базам? Документы наверняка выглядят идеально, будто аренда предоставлена по нормальной рыночной цене. А разницу он, наверное, забирал наличными через подставные компании, поэтому у налоговой и не возникло вопросов...

В кабинет следом за мной вбегают испуганные секретарши.

– Виктор Николаевич, простите, пожалуйста... – растерянно тараторит одна из них.

– Выйдите отсюда немедленно! – резко рявкает Виктор, и девушки быстро исчезают за дверью.

Только вот эта короткая заминка дает ему время взять себя в руки. Когда дверь закрывается, я уже вижу перед собой совершенно другого человека – сдержанного и хладнокровного бизнесмена. Того, кто ведет все переговоры с лицом игрока в покер. Того, кто ни за что не выдаст свои истинные эмоции.

– Послушай, – начинает он спокойным, уверенным тоном, – это просто обычная рабочая схема оптимизации налогов. Да, аренда немного занижена, но это временно и абсолютно легально. Нам сейчас выгоднее работать через эту фирму – у них меньше налоговая нагрузка. Они попадают под налоговые каникулы и мораторий по проверкам! Простая экономика, Марин, – разводит он руками.

Я слушаю его внимательно, стараясь не показать то, что я действительно чувствую.

Я очень хорошо знаю этого человека.

Я видела его, когда он был еще безработным инженером. Я видела его, когда он заработал свой первый миллион. Я видела его, когда этот миллион он потерял, но через год заработал уже десять!

Я знаю его.

И я понимаю, что сейчас он ведет тонкую и умную игру.

Ему нужны были именно эти месяцы, чтобы вывести активы незаметно и бесследно через аренду, субаренду, перекрестные сделки с фирмами-однодневками, не оставив мне ни малейшего шанса получить свою часть бизнеса при разводе.

А тут я со своими криками.

Дура!

Сейчас напряжется и спрячет все, что не успел.

Только вот я тоже теперь знаю. Знаю, где искать.

Не в электронных базах, не-ет...

Там все будет красиво и идеально. Комар носа не подточит. А вот в бумагах. В тех самых бумагах, от которых так старается избавиться наше государство, вполне могло проскочить что-то... Ошибка. Описка. Оплешность... И реальная фамилия или реальная сумма легли на дно папки, покрываться пылью ближайшие двадцать пять лет.

Тут у Виктора на столе трещит селектор:

– Виктор Николаевич, “Полис-Гарант”...

– Отменить встречу! – рывкает мой муж, на секунду выдавая свое напряжение. – Не беспокоить меня!

– Вить, нет, – качаю головой. – Ты же работаешь, что ты... – распахиваю глазки, строя саму невинность. – Иди! Потом все расскажешь!

Вздыхаю, подбираю бумаги...

– Я пойду, там, наверное, кабинет мой уже готов! Будет время зайди, хорошо? – говорю с ними теми же интонациями, с которыми встречала его после “деловых встреч” ближе к полуночи, с которыми подавала ему завтрак и поправляла галстук.

Виктор на секунду морщится, очень напряженно в меня всматривается.

Я пожимаю плечами, склоняю голову...

И...

Кажется, он верит.

– Лида! – нажимает селектор. – “Полис-Гарант” еще тут?

– Да, Виктор Николаевич, – испуганно отвечает секретарша.

– Я иду, – коротко бросает он.

– Хорошего дня, – киваю. – Я тоже пойду...

– Марин! – вдруг окликает меня он.

На мгновенье в его взгляде вспыхивает что-то, что я видела, когда он говорил мне “да”, надевая кольцо на палец, когда он целовал меня ночами, когда он путался пальцами в моих волосах...

Но...

Он тут же обрывает сам себя.

– Нет, ничего, – отмахивается. – Иди. Я позже зайду.

– Конечно, – произношу спокойно.

И выхожу из его кабинета.

Надо быть сдержаннее.

Надо быть умнее.

И вообще...

Надо бы попросить адвокатов подсказать мне внешнюю контору. Натравливать сюда официальный аудит с налоговой сейчас нестоит. Все спрячет. Все подчистит. А вот тихонько... Чтобы я пересылала документы, показывала отчеты... Так, наверное, можно...

Иду по коридору, пытаюсь вспомнить, где мой, так называемый, кабинет.

Комнатку нахожу в том же виде, в каком и оставила.

Вздыхаю.

Ну что ж.

– Девушки, – возвращаюсь к ресепшн. – А покажите мне, пожалуйста, где кабинет начальницы отдела кадров?

Напуганные до полусмерти девчонки быстро приводят меня в светлый зал, уставленный шкафами, столами...

– Ирина Леонидовна, – обращаюсь я к вмиг побледневшей даме. – Мой кабинет пока еще не готов, – улыбаюсь ей той самой улыбкой, не оставляющей ни малейших сомнений. – Поэтому я займу пока ваш! Будьте добры, заберите отсюда ваши личные вещи...

– Я!.. Вы!.. Но!.. – вдруг начала заикаться она.

– Когда мой кабинет подготовят, поменяемся назад, – киваю ей. – А пока, – смотрю тем взглядом, которым должен владелец смотреть на подчиненного. – Попросите принести мне сюда архив. Все договора. Купля, продажа, аренда, субаренда, найм... Все... За последние, – кручу в голове...

Ребенку два?

Значит...

– За последние три года.

.

Глава 10

Время проходит незаметно. Я долго сижу над бумагами, сопоставляя договора, периоды отчетности, счет, акты...

Затея моя мне уже кажется глупой.

Понимаю, что надо специалистов, да не одного, а целую команду.

Меня всегда учили – первым делом сверяй акты. Акт – это документ отчетности сразу для двух фирм. Если где-то что-то нечисто, то обязательно будет видно там.

Сижу, сверяю договора, суммы в них и счета с документами отчетности. Просто чтобы найти хоть одну зацепку. Просто, чтобы понять, где копать.

Найми я сейчас внешний аудит, Виктор наверняка упрется и будет всеми силами препятствовать.

Можно попробовать привлечь специалистов по-тихому. Снять копии бумаг, показать...

Может, так я бы нашла быстрее то, что мне нужно.

– Не устала? – вдруг слышу заботливый голос.

Вздрагиваю, несмотря на почти нежные интонации... мужа.

Да. Это зашел Виктор.

– Ты не выходила обедать, – он смотрит на меня обеспокоенно.

– А что, уже обед? – стараюсь не смотреть ему в глаза, склоняюсь пониже над бумагами.

– Да уже, – хмыкает, – считай, конец рабочего дня, – он смотрит на свое запястье, которое украшают часы стоимостью в несколько квартир.

А если квартиры такие, как та, в которой я живу, так несколько десятков квартир...

– Я увлеклась, – натянуто улыбаюсь. – Всегда любила цифры! – пытаюсь отшутиться.

– Да, я помню, – как-то очень напряженно произносит муж.

– Вить, – мне вдруг в голову приходит смелая идея. – А я могу забрать вот эту пару коробов домой? – я вроде как небрежно вскидываю брови.

Было бы здорово их отсканировать и отправить... Я еще не придумала куда. Но мне определенно не помешает помощь.

Он очень внимательно смотрит на указанные короба. Долго. Слишком долго. Молчит...

Что-то в них есть... Что-то, что он не хочет мне показывать...

– Я просто, – пожимаю плечами, – посидела бы вечером. Глядишь, быстрее бы вернула их в архив.

– Вечером? – откашливается он. – Я думал, – оборачивается, смотрит на меня с неприличной уже нежностью, – мы могли бы вместе поужинать... В “Эльфе”! Ты же его любишь!

– Вить, – отворачиваюсь, чтобы не выдать эмоции. – Спасибо, но тогда я слишком поздно доберусь домой.

– Если ты приняла мое предложение, – начинает он медленно, – то тебе следует вернуться в нашу квартиру.

Я дергаюсь, распахиваю глаза.

– Ты забыла, что мы изображаем семью? – быстро проговаривает он, предвосхищая мой вопрос.

– Нет, подожди! – резко произношу я. – Речь шла о том, чтобы не разводиться и не выводить капитал! Но о том, чтобы изображать любящую супругу, разговора не было!

– О! Марин! – закатывает он глаза. – Ну что ты как маленькая! Ну? Тебе же это нравилось! Твои платья, дорогие рестораны!

– Вить! – стискиваю зубы. – Нет! Я не вещь, которую можно взять с собой для статусности!

– Да причем тут статусность! – зло выплевывает он. – Мы должны быть семьей! Иначе арабы... – он одергивает сам себя, отворачивается.

Шумно выдыхает, проводит рукой по волосам и снова начинает:

– Марин, пожалуйста, – смотрит на меня решительно. – Прекрати выделяться. Для тебя ничего не изменилось! Ничего! Ты можешь жить так же, как жила все это время! Сделай одолжение, – цедит сквозь зубы он, – поживи немного в роскоши! – его лицо на мгновение искажает гримаса ненависти, но он тут же берет себя в руки. – Мне сейчас важен имидж надежного партнера. Поэтому мы должны выглядеть семьей. Я буду спать на диване. Если тебя это волнует.

Я хмыкаю, медленно оседаю на стул.

– Я правильно понимаю, Вить? – смотрю на него чуть надменно. – Сейчас я нужна тебе чуть больше, чем ты мне?

– Марин! – у моего мужа нервно дергается щека. – Я предлагаю тебе роскошь!

– Да она мне нафиг не сдалась, Вить! – отзываюсь с усмешкой. – Поэтому сегодня я поеду в свою съемную квартиру! А туда, где ты много лет меня обманывал, – смотрю мужу в глаза, – я не вернусь!

– Марин... – начинает он яростно.

Но тут же замирает, споткнувшись о мой взгляд.

– Бумаги я домой могу взять или нет? – спрашиваю его чуть иронично.

Он молчит. Смотрит на меня долго.

– Можешь, – наконец выдавливают он, но таким тоном, что у меня аж мурашки идут по коже. – Пойду договорюсь с водителем, чтобы тебя отвезли!

Он? Сам? Договорится с водителем?

Но прежде чем я успеваю понять суть этой фразы, Витя выходит из кабинета, оставив за собой шлейф дорогого парфюма и незакрытую дверь.

Ну что ж.

Пусть так...

Жену себе захотел. Надежную.

С-скотина!

И вдруг понимаю: слезы. Они уже на глазах. Смахиваю. Нет. Даже этого он от меня больше не получит.

Снова берусь за бумаги.

Но отвлеченная разговором, сконцентрироваться никак не могу. Да и желудок, которому напомнили, что он не ел с шести утра, вдруг недовольно заурчал.

Встаю, собираю папки, укладываю то, что не нужно, обратно в короба...

– Вот, – появляется на пороге Виктор, – водителя свободного нет, но ты можешь взять рабочую машину, – он протягивает мне ключи.

– Спасибо! – тянусь за брелком.

– Ты не передумала? – вдруг стискивает он его в кулак. – Может, все-таки поедem домой вместе?

– Не передумала, – отзываюсь твердо.

– Ну тогда, – он как-то странно на меня смотрит, – прощай...

Отдает ключ и, резко развернувшись, уходит.

А я остаюсь.

Хм... Странно это все.

Ладно.

Сейчас и правда лучше домой.

Разберусь потом.

Собираю в короб все, что вызывало у меня вопросы. Добавляю к этому то, что еще не успела проверить и...

Прошу охранника отнести это все вниз.

– Машина Н двести двенадцать РВ, – смотрю бирку на ключах.

– Вот эта? – охранник кивает на простенький седан.

Хмыкаю. Ну да. Не ждала же я от Витора представительское авто...

У машины почему-то протерт нос, будто кто-то недавно открывал капот. Наверное, водители что-то проверяли. А весь остальной кузов покрыт толстым слоем пыли...

Эх...

Витя до конца – Витя...

Жлоб, проще говоря.

– Да, – киваю, – похоже он.

Пиликаю брелком, машина послушно открывается...

Охранник ставит короба на заднее сиденье, а я сажусь за руль.

Завожусь, выкатываюсь из гаража...

Седанчик спокойно себе едет по московским дорогам, пробки еще не начались, и я почти без помех минуя все светофоры и выезжаю на шоссе.

Дорога ровная, спокойная... В какой-то момент я отвлекаюсь, ухожу в свои мысли... Прокручиваю в голове все это с актами, счетами, налогами...

Нет... Очень он уж хорошо все прячет. Надо будет все же именно аудит требовать.

Тяжело вздыхаю и вдруг вижу перед собой тормозящую фуру....

Что за фигня? Что происходит!

Жму на педаль у себя под левой ногой и...

Ничего!

НИЧЕГО!

Как?

Нет!

Стоп! Стоп! Тормоз!

Но машина по-прежнему катится со скоростью почти сто километров в час в кузов грузовика!

Фура! Там фура! Тормози!!!

Нет!

Рву руль вправо, слышу под колесами хруст гравия, а потом врезаюсь в отбойник, почему-то взлетаю и... Темнота.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.